

На следующее утро Чэн Цянье занималась каллиграфией в кабинете.

Она никогда не прикасалась к ручке каллиграфической кисти до того, как переродилась, поэтому часто находила время, чтобы попрактиковаться в каллиграфии. Однако у нее все еще не очень хорошо получалось.

Сяо Цю протянула свою маленькую ручку, чтобы растереть для нее чернила. На ее маленьком белом носике было чернильное пятно, которое придавало ей весьма очаровательный вид.

- Посмотри. Что ты думаешь о каллиграфии твоего господина? - спросила Чэн Цянье, изобразив на бумаге несколько основных каллиграфических штрихов.

Сяо Цю долго смотрела на бумагу своими большими миндалевидными глазами, потом протянула свой коротенький пальчик и указала на один из штрихов.

- Ты хорошо нарисовал этот штрих, он весь волнистый и извилистый, совсем как дождевой червь.

- Ах! - тут же воскликнула она. - Старшая сестра, зачем ты меня ущипнула?

Ее старшая сестра Би Юнь покраснела от смущения. Она присела на корточки, поклонилась Чэн Цянье и подала ей ароматную, свежесваренную чашку чая.

Чэн Цянье сделала глоток чая и улыбнувшись, сказала:

— Би Юнь, не одергивай постоянно Сяо Цю. Мне нравится, что она такая.

Сяо Цю едва исполнилось 10 лет. Прекрасная и нежная, она была чистым и живым ребенком.

Благодаря своему золотому пальцу Чэн Цянье легко могла видеть истинную природу людей и различать их внутренние эмоции сквозь носимые ими маски. Каждый день она наблюдала, как люди вокруг нее обманывают и надувают других, и ей было трудно не чувствовать себя подавленной.

Именно поэтому она больше всего любила тот тип человеческой души, чей внешний облик и внутренние мысли полностью совпадали.

В этот момент в кабинет вошел Мо Цяошэн.

Чистый и очаровательный, он был ее сапфиром с прямодушным сердцем, переполненным преданностью.

- Как себя чувствует твой друг? - спросила Чэн Цянье.

- Доктор говорит, что самый опасный период миновал.

- Хозяин. - Мо Цяошэн опустил перед ней на колени. - Вы не накажете меня?

- Наказать тебя? - Чэн Цянье приподняла брови и перестала писать, чтобы посмотреть на него.

- Почему я должен наказывать тебя?

- Я...

- За что ты чувствуешь себя виноватым? - Чэн Цянье не удержалась, протянула руку и коснулась его головы. - Ты считаешь, что у тебя нет нужных качеств, чтобы просить меня о чем-либо, хотя он твой друг, которого ты так ценишь?

Мо Цяошэн посмотрел на Чэн Цянье. Хозяин всегда был способен видеть его насквозь, одним точным замечанием открывая его самые сокровенные мысли.

- Ну, хорошо. Раз ты так говоришь, я тебя накажу. Я назначу тебе суровое наказание.

Мо Цяошэн выпрямился, на его лице отразилась решимость.

Чэн Цянье подняла его на ноги и посадила на свое место.

- Я наказываю тебя. Перепиши эту книгу со мной. Каждый из нас скопирует по половине.

Она сунула кисть в руку Мо Цяошэна и сжала тыльную сторону его ладони своей мягкой рукой.

- Можешь? Я научу тебя писать.

Красивое белое лицо господина нависло над его плечом, почти касаясь его. От него исходил тонкий аромат орхидей.

- Ха-ха, возможно, я не смогу писать так же хорошо, как ты.

Мо Цяошэн внезапно почувствовал необъяснимое волнение в своем сердце. Это было подобно мягкому перышку, скользящему назад и вперед по самой хрупкой части его сердца, он ощущал легкую щекотку, а в груди росло странное скребущее чувство, заставляющее его тело слегка дрожать.

Он решительно дал себе мысленную пощечину.

Каким навязчивым мыслям ты поддаешься прямо перед своим хозяином?

- Цяошэн, ты думаешь, я хороший правитель? - тихо спросила Чэн Цянье, держа руку Мо Цяошэна, которая выводила иероглифы на бумаге.

- Для меня хозяин - лучший правитель на свете.

Чэн Цянье знала, что он говорит правду.

Она взглянула на их руки, соединенные вместе, потом на иероглифы, выведенные чернилами на бумаге их общими усилиями, и медленно заговорила:

- Когда я был моложе, в школе были группы по интересам, ах, речь идет о приобретении дополнительных навыков. Я хотел научиться китайской живописи, но моя мать сказала мне, что гучжэн весьма очарователен, и что она хотела бы услышать, как я играю на нем.

- Значит, хозяин отказался от того, что его интересовало, чтобы угодить госпоже?

- Верно. Когда мама увидела, что я выбрал гучжэн, она была очень счастлива, как и ожидалось, и постоянно хвалила меня.

- Я заслужил похвалу матери, но мне пришлось отказаться от того, что мне нравилось.

- У меня такая натура. Я часто отказываюсь от своих собственных интересов и привычек, чтобы получить одобрение других.

Чэн Цянье отпустила его руку и перестала писать.

- Раньше меня заботило мнение Чжан Фу, Сяо Цзиня и тех старых министров. Я постоянно отказывался от своих собственных идей, чтобы угодить им, надеясь, что таким образом смогу добиться их признания.

- Но теперь я понял, что был неправ. Чтобы быть достойным правителем, недостаточно просто быть хорошим человеком.

Она посмотрела на Цяошэна.

- Цяошэн, хотя ты и раб, у тебя тоже должны быть свои собственные стремления. Ты когда-нибудь задумывался о том, кем хочешь быть?

- Ты хочешь служить в моей свите или хочешь принести большую пользу на поле боя?

Эмоции в глазах Мо Цяошэна потихоньку накатывались большими волнами:

- Я хочу стать оружием в руках хозяина. Если хозяин пожелает расширить свои территории, я нападу на другие города и захвачу их земли. Если хозяин пожелает править всей Поднебесной, я буду сражаться против всего мира ради вас.

Чэн Цянье взглянула на сверкающий перед ее глазами сапфир и протянула к нему руку.

- Хорошо, тогда следуй за мной.

Тренировочная площадка была битком набита людьми. Там собрались все сержанты и генералы, от командира подразделения и выше, все чиновники, а также слуги и стражники, непосредственно служившие правителю.

Все смотрели на молодого господина, который сидел на возвышении.

Новость о том, что маркиз Цзинь Юэ едва избежал смерти от отравления на вчерашнем банкете, уже широко распространилась среди всех.

Теперь, когда так много людей было собрано здесь таким образом, это смахивало на суровую пощечину всем присутствующим.

Одни люди с затаенными мыслями нервничали, другие с чувством злорадства ожидали

хорошего представления. Пространство постепенно заполнилось звуками приглушенных разговоров в толпе.

Чэн Цяньэ спокойно смотрела на собравшихся, делая пометки в книге, которую держала в руках.

Никто не мог видеть в ее книге вертикальные и горизонтальные линии, вместе образующие сетку. Каждый квадрат означал одного из людей, стоящих на поле.

Чэн Цяньэ отложила книгу и поманила Мо Цяошэна к себе.

- Цяошэн, взгляни. Горизонтальные линии означают ряды, а вертикальные - столбы. Каждый квадрат означает одного человека. Пойди и схвати всех людей, которых я зачеркнул, и приведи их сюда.

Она тихо добавила ему на ухо:

- Содержимое книги не должно быть видно другим. После того, как мы поймаем их всех, пойди, брось ее в огонь и сожги.

Мо Цяошэн принял приказ и ушел.

Через некоторое время перед Чэн Цяньэ стояли на коленях более двадцати человек.

Эти люди смотрели друг на друга, их лица были полны недоумения.

Некоторые из них были высокопоставленными офицерами в армии, некоторые из них служили непосредственно Чэн Цяньэ.

Тем единственным, что их объединяло между собой было то, что вне зависимости от того, какое у них было выражение лица, в глазах Чэн Цяньэ, когда эти люди смотрели на нее, их ауры окрашивались ужасной злобой.

Чэн Цяньэ села на возвышении и некоторое время смотрела на всех этих людей, затем спросила громким и ясным голосом:

- Кто послал вас всех? С какой целью вы рыщете вокруг? Какие ужасные преступления вы совершили? И кто ваши сообщники?

- Признайтесь во всем и будете иметь шанс найти способ выжить после того, как будете изгнаны отсюда. Однако, если будете отпираться и настаивать на своей невинности, то будете немедленно обезглавлены!

Эти двадцать с чем-то человек один за другим падали ниц, крича о несправедливости.

В толпе зрителей также вспыхнули оживленные пересуды.

Чэн Цяньэ не обратила на них никакого внимания и указала на первого мужчину в первом

ряду, все тело которого было окутано зловещим черным туманом.

Двое солдат в доспехах шагнули вперед и оттащили его от остальных.

Этот человек с простой и честной внешностью был управляющим по закупкам. Он несколько раз поклонился и закричал, что с ним поступают несправедливо.

- Это твой последний шанс признаться. Если ты этого не сделаешь, тебя ждет только смерть. - холодно сказала Чэн Цянье.

Слезы и сопли мужчины размазались по всему его лицу, когда он воскликнул:

- Мой господин, сяожэнь(1) - старый слуга вашей матери и более двадцати лет верно и преданно служил вам и госпоже. На этот раз госпожа специально послала сяожэнь сюда вместе с армией, чтобы он служил моему господину в вашей повседневной жизни. Мой господин не должен слушать злонамеренную клевету других и так несправедливо относиться к сяожэнь!

Чэн Цянье опустила ресницы и махнула рукой.

Два могучих солдата стащили мужчину с высокой платформы и потащили к палачу, ожидавшему под платформой. Несмотря на его отчаянную борьбу, руки палача поднялись, и клинок опустился. Совершенно здоровая голова в одно мгновение упала на землю.

Все присутствующие внезапно замолкли.

Чэн Цянье взглянула на второго человека в очереди.

Все тело мужчины задергалось и затряслось, когда солдат оттащил его от группы людей. Он безвольно распростерся на земле, его зубы стучали, когда он заговорил:

- Сяо... сяожэнь сознается. Сяожэнь на самом деле родом из страны маркиза Е(2). Ван... Госпожа Ван устроила так, чтобы этот слуга расследовал здесь о состоянии дел моего господина и тайно передавал информацию ей.

Чэн Цянье махнула рукой Сяо Сю:

- Запиши это. Проверьте его место жительства и, если он не совершил каких-либо серьезных преступлений, дайте ему двадцать ударов розгами и вышвырните отсюда.

Остальные люди видели, что их собственная кровь забрызгает их ноги, если они не сознаются, и что они в самом деле могут сохранить себе жизнь, если это сделают. Они осторожно выступали вперед по очереди и начинали рассказывать.

Некоторые из них были шпионами, которых послали следить за ней другие вассальные государства, некоторые из них были посланы аристократическими семьями государства Цзинь, чтобы добывать информацию.

Чэн Цянье наказывала их в соответствии с тяжестью их преступлений, оставляя в живых тех,

кто не был виновен в каких-либо ужасных деяниях.

Младшего офицера из армии подтолкнули вперед, он опустился на колени и поклонился.

- Сяожэнь сознается. Сяожэнь был послан Ли Вэньгуаном залечь на дно в армии. Сяожэнь ничего не сделал, мой господин, пожалуйста, простите мой грех. У сяожэнь есть сообщник. Это...

Он поднял голову и взглянул на ряд высших генералов, стоящих позади.

- Сообщник сяожэнь - генерал Хэлань Чжэнь.

Толпа немедленно зашумела.

Хэлань Чжэнь пришел в ярость и был готов ринуться вперед. Юй Дуньсу удержал его и сказал:

- Брат Хэлань, не будь импульсивным. У моего господина свой собственный способ суждения.

Лицо Хэлань Чжэня покраснело, он простерся ниц:

- Мой господин обладает ясным суждением. Этот человек затаил на меня личную обиду и использует этот случай, чтобы выплеснуть свой эгоистичный гнев. Меня в самом деле обвинили несправедливо.

Чэн Цянье смерила его взглядом и долго не отвечала.

Сердце Хэлань Чжэня наполнилось тревогой. Сегодня было схвачено так много шпионов, что все сейчас были в подвешенном состоянии. Было бы вполне естественно, если бы господин ему не поверил.

Он происходил из аристократической семьи. Если он пострадает от подобной несправедливости и будет изгнан из армии, ему некуда будет идти.

1. (□□ - Хиаоген) - Я, я / Этот скромный человек / Этот обычный человек / Злодей, Низменный человек [Скромный способ обращения к себе / Используемый человеком низкого социального статуса, когда он разговаривает со своими вышестоящими.]

2. (□ = Yé) Уважительная форма обращения к человеку более высокого положения [Сэр; Мастер; Лорд]/уважительная форма обращения к пожилому человеку. Дословный перевод отец/дедушка/старый джентльмен. В основном почетное, такое как "сама" в Японии.